

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ И МИССИОНЕРСКИЕ ПРАКТИКИ

УДК 23/28+297

В. В. Дубовицкий

ХРИСТИАНСКО-ИСЛАМСКИЙ ДИАЛОГ В ТРУДАХ Н. П. ОСТРОУМОВА

Аннотация: В статье анализируется опыт осуществления христианско-исламского диалога в повседневной жизни христиан и мусульман Средней Азии в период конца XIX – начала XX века в трудах русского востоковеда и миссионера Н. П. Остроумова. Целью статьи является обобщение опыта совместной жизни и деятельности православных и мусульман как в условиях социально стабильной обстановки, так и в период масштабных социальных конфликтов. Основываясь на архивных материалах личного фонда Н. П. Остроумова и его работах в области исламоведения, автор воссоздаёт картины повседневной жизни православных и мусульман рассматриваемого периода, связанные с оказанием врачебной помощи, созданием системы образования, совершением религиозных праздничных обрядов, изучением фольклора сартов. Помимо этого, автор статьи, используя малодоступные материалы, полученные в период его деятельности в Таджикистане в рамках руководства структурами российской диаспоры, делает выводы относительно использования исторического опыта в современных условиях взаимоотношений православных и мусульман в России.

Ключевые слова: *Н. П. Остроумов, христианско-исламский диалог, повседневное общение, совместная жизнь и деятельность православных и мусульман.*

Сведения об авторе: Дубовицкий Виктор Васильевич – доктор исторических наук, независимый исследователь (Россия, Оренбургская обл., пос. Новосергиевка). E-mail: rosdiaspora@rambler.ru

Цитирование: *Дубовицкий В. В. Христианско-исламский диалог в трудах Н. П. Остроумова // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2024. Вып. 1 (30). С. 108–121.*

Поступила в редакцию 02.03.2024

Принята к публикации 18.04.2024

Среди имён русских исследователей и государственных деятелей в Средней Азии во второй половине XIX – начале XX века много ярких и интересных личностей, жизнь и деятельность которых стали известны далеко за пределами региона, и не только в связи с ним. Несомненный интерес в контексте современной жизни России представляет опыт изучения христианско-мусульманского диалога в условиях совместного существования суннитских и православных общин. Особую ценность имеет опыт взаимоотношений православных и мусульман в условиях преобладания мусульманского населения. В такой ситуации возрастает роль христианско-исламского диалога на уровне культуры повседневности, чему способствовала деятельность многих русских исследователей и государственных служащих в Средней Азии [6; 12].

В данной работе автор обращается к деятельности видного представителя российского просвещения в среде мусульманского населения – Н. П. Остроумова (1846–1930), обобщившего ценный опыт в области христианско-исламского диалога на уровне культуры повседневности в Поволжье, на Южном Урале и в Среднеазиатском регионе во второй половине XIX – нач. XX века. В период 2007–2024 гг. его научное наследие активно изучалось в основном силами церковных и светских исследователей Среднеазиатского Митрополичьего округа. Среди них можно назвать Ю. С. Флыгина [13], Э. А. Умарова [11], М. Салахова [10].

Николай Остроумов родился в 1846 г. в многодетной семье протоиерея Петра Остроумова в селе Сасово Тамбовской губернии. Окончил в начале духовное уездное училище, а затем – Тамбовскую духовную семинарию. В 1866 г. был рекомендован для продолжения образования и направлен в Казанскую духовную академию. В стенах Академии Н. П. Остроумов осваивает арабский, татарский и персидский языки, совершенствовать которые он не переставал долгие годы жизни в Средней Азии. Академия давала и солидную научную подготовку, выпуская из своих стен высококвалифицированных учёных-востоковедов. Большое влияние на становление Н. П. Остроумова как востоковеда оказал профессор Академии – Н. И. Ильминский – один из инициаторов создания в Казани учительской семинарии для народов Поволжья [9].

В 1877 г. Министерство народного образования России предложило Н. П. Остроумову занять пост инспектора народных училищ в Туркестане. Проработав два года на этом посту, в 1879 г. Н. П. Остроумов возглавил учительскую семинарию, в которой, наряду с европейцами, обучались и представители среднеазиатских народов – прежде всего, сарты (узбеки)

и киргизы (казахи). Н. П. Остроумов прилагает все усилия для всестороннего и глубокого знакомства своих воспитанников-среднеазиатов с европейской, в том числе и русской культурой, за что позднее, в советское время, и заслужил ярлык «русификатора» [9].

В 1883 г. Николай Петрович начинает издавать на сартовском (узбекском) языке арабской графикой «Туземную газету» – первое печатное периодическое издание на языке среднеазиатских народов, которое по единодушному мнению и его современников, а также советских учёных и исследователей постсоветского периода, играла для региона роль, подобную роли первой русской газеты «Ведомости» для населения России XVIII в. На страницах «Туземной газеты» не только освещались текущие события в регионе, в Российской империи и за рубежом, но и публиковались официальные правительственные документы, научно-популярные статьи, стихи и проза среднеазиатских авторов [7].

Большую часть деятельности Н. П. Остроумова в Туркестане составляло издание переводов на узбекский язык произведений классиков русской литературы, а также публикация им в центральных и местных изданиях произведений среднеазиатских авторов. По инициативе Николая Петровича и при его непосредственном участии были выпущены в свет на узбекском языке произведения А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, а также брошюры познавательного характера. Им были переведены на русский язык и опубликованы сотни узбекских сказок, поговорок, пословиц.

Истинная духовность настоящего русского интеллигента была органически связана у него с сокровенными основами православной культуры своего народа. Именно это последнее качество делало Николая Петровича столь привлекательным как для научного мира России, так и для самых широких кругов местного населения. Об этом говорят строки дневников Н. П. Остроумова, рассказывающие о дружественных, неформальных отношениях со многими видными представителями коренного среднеазиатского населения.

«17 октября 1890 года, среда ... После молитвы я ездил в Туземный город к новому казию¹ Сеид Умару, поздравить его с назначением и пил у него чай...

Вечером в тот же день не дал мне спать вовремя мой приятель, казий Мухитдин. В разговорах со мной казий провел у меня три часа и в заклю-

¹Казий (араб.), встречается также кадий – духовный судья у мусульман.

чении затянувшейся беседы прочитал корректуру очередного номера „Туземной газеты“, как бы в оправдание своего долгого пребывания у меня.

27 апреля 1891 года, суббота, пасхальная неделя. Сегодня начался у мусульман большой праздник после 30-дневного поста в месяц Рамазан. Я ездил в Туземный город, чтобы поздравить с праздником своего знакомого казия Мухитдина. Мой визит был непродолжительным, потому что к казию приезжали почтенные туземцы с поздравлениями. Возвращаясь домой, я заехал к старейшему аксакалу Иннак-ходже, в доме у которого в первый раз увидел египетских голубей (кумри) с черной полоской на шее. Хозяин дома объяснил мне, что эти голуби пользуются у мусульман большим почетом, потому что они хорошо выговаривают звуки имени Божьего: „Он-он“ (Суций). И мусульманские поэты приравнивают этих голубей к соловьям в своих стихотворениях.

2 декабря 1891 года, понедельник. Вчера я получил письмо от поэта Фирката (Фурката) из Стамбула. Он, рассчитывая на свой поэтический талант, отправился в Мекку, не имея ни гроша в запасе. В письме он посылает свой поклон, прежде всего генерал-губернатору (у которого в феврале был на балу), затем желает всяческих благ мне и моему семейству. Такое внимание Фирката хорошо рекомендует его. Ведь с отправлением в Мекку он прекратил свои отношения ко мне, но не забыл меня» [5, л. 44].

Хотя Н. П. Остроумов, будучи выпускником Духовной Академии, не состоял в штате священнослужителей, он продолжал сохранять прочные связи с жизнью Русской Православной Церкви, активно участвовал в религиозной жизни Ташкента, преломляя своё мировосприятие через глубокую, искреннюю веру. Не удивительно потому, что в условиях надвигавшейся революции, наблюдая всё большее разложение нравов, Н. П. Остроумов часто строго судит общественную жизнь соотечественников, высказывая весьма резкие замечания. Обратимся вновь к страницам его дневников:

«26 сентября 1890 г., среда. Сегодня, в день памяти первосвященника Иоанна, проповедника христианской любви, я услышал от своей жены, что семья оренбургского казака Василия Кравченко, состоящая из беременной жены (Василисы) и четырех малолетних детей, не находя пристанища, днюет и ночует под открытым небом, на голой земле! И никто, в русском, православном Ташкенте, где семь благотворительных обществ (в которых участвуют почтенные дамы), зная, об этом, не обращают внимания! Разве мыслимо такое отношение к несчастным одиноверцам среди мусульман, у которых нет благотворительных организаций?!

У мусульман не было апостола подобного христианскому Иоанну, но заветы своего пророка они исповедуют не на словах, а на самом деле...» [5, л. 39].

«29 июня 1891 г., суббота. Удивительные нравы русских² в Ташкенте! Завтра воскресенье, была всеобщая, а в „Детском саду“ и саду Равилиона гремит плясовая музыка – Камаринскую играют. И так не в первый раз. На Троицу, накануне Духова дня было то же самое. Устроители „Детского сада“, принявшие на себя ответственную заботу о развитии и воспитании детей православных жителей города, нимало не стесняются христианских праздников и церковных служб, лишь бы доставить детям развлечение. Мы, право, хуже язычников» [5, л. 51].

В контексте данного исследования, несомненно, большой интерес вызывает рукопись под названием «Пятидесятилетие русского управления в Туркестане (1867–1917 гг.) от К. П. Кауфмана до А. Н. Куропаткина», написанная Н. П. Остроумовым вскоре после установления советской власти, в которой фактически обобщаются политические, социально-экономические и культурные итоги существования Средней Азии в составе России. Касаясь вопроса общей государственной политики в области культуры первого из генерал-губернаторов Туркестанского края К. П. Кауфмана, Н. П. Остроумов отмечает, что «он ошибочно думал, что мусульманской культуре не следует придавать большого значения и потому игнорировал её, тогда как должен был серьёзно считаться с нею. Ошибались и преемники Кауфмана, думавшие, что туземцы представляют собою девственную почву, на которой легко насадить русскую культуру. Но у туркестанского населения была своя душа, и нужно было всмотреться в её глубину – в её психологию и религию, прежде чем приступать к преобразованию народной жизни. Такую предусмотрительность того больше нужно было соблюдать в отношении души среднеазиатских мусульман, жизни их почти дотоле не изученной» [4, л. 18].

Н. П. Остроумов подчёркивает, что К. П. Кауфман и другие туркестанские генерал-губернаторы, сознавая важность непосредственных

²Н. П. Остроумов, равно как и автор статьи, используя термины «православный» и «мусульмане» не учитывает степень верования в Бога (воцерковления) и соотносит эти данные с культурно-исторической традицией исповедания той или иной религии определённым этносом. Соответственно всё русское население рассматривается как православное, а население коренных среднеазиатских национальностей – мусульманами. Далее в работе наименования: «православный», «христианский», «русскоязычный», «русский» выступают в роли синонимов с незначительными смысловыми оттенками, используемыми для удобства обозначения православной диаспоры и тех процессов, которые окружают её жизнь.

и постоянных контактов среднеазиатского населения с русскими, заботились о их расширении. Однако, эти меры касались только представителей среднеазиатских элит: «С этой целью, как и при некоторых его приёмниках, наиболее выдающиеся по развитию и положению в обществе туземцы (сарты и киргизы) командировались в русские столицы на особые торжества России и Царствующего дома, а для детей туземцев устраивались особые образовательные поездки в Европейскую Россию и в обе её столицы, с остановками во всех больших городах для осмотра достопримечательных памятников, зданий, заводов, фабрик и для ознакомления с жизнью не только русских, но и инородцев, особенно татар, живущих в городах, расположенных по пути молодых экскурсантов. Участвовавшие в экскурсиях дети туземцев доезжали до Петрограда и удостаивались присутствия на высочайших смотрах русских войск и представлений самому Государю, в подданстве которого они состояли» [4, л. 20].

По мнению Н. П. Остроумова, в наибольшей степени сближению русского населения и мусульман должно было способствовать образование на русском языке. При этом он отмечает, что «...русские училища за 20-летний период своего существования доказали полную свою несостоятельность среди русского и туземного населения. Учителями в этих школах оказались молодые люди, приехавшие из России, не знающие ни нравов, ни обычаев, ни даже языка туземного населения, а мусульманские школы в крае превосходили количеством и качеством. Бережно сохраняя народные предания в духе веры, мусульманские школы дают возможность ученикам применять свои познания, вынесенные из школы, к жизни, число же туземцев, окончивших курс в русских городских училищах за время их существования, было слишком ничтожно (20 чел.)» [4, л. 22].

Н. П. Остроумов упоминает и меры более широкой просветительской деятельности среди мусульманского населения: «Для непосредственного ознакомления представителей туземной интеллигенции и школы (казии, алямы³, муфтии, мударрисы⁴ и муллы) с современной европейской наукой устраивались особые популярные чтения с физическими опытами, а самим им представлялась возможность осматривать русские гимназии, в которых они могли видеть не только иную обстановку русской школы,

³Улемы (араб.) или алимы, уламо – собирательное название авторитетных знатоков ислама.

⁴Мударрис (араб.) – преподаватель медресе, знаток методики юриспруденции и этико-правовых норм ислама.

но и совсем другую постановку в ней школьного дела, вообще высоко ценимого туземцами и когда-то процветавшего. Как ни странно, а было то, что я встречал и в этом важном деле если не противодействие, то равнодушные, а иногда и кислые мины со стороны русских педагогов. Очень грустно вспоминать об этом. А чтобы детям туземцев облегчить поступление в русские гимназии, городские училища и учительскую семинарию, при этих школах устраивались особые подготовительные классы и интернаты, в которых туземные ученики жили и обучались вместе с русскими детьми для дальнейшего происхождения учебного курса на русском языке» [4, л. 17].

По мнению Н. П. Остроумова, особое место в повседневных контактах русского и среднеазиатского населения играло здравоохранение: «Сверх формальных (официально-административных) отношений к туземному населению, русская администрация в Туркестане заботилась и об устройстве санитарской части среди туземцев и о поднятии их материальной культуры. Для выполнения первой задачи в административных пунктах были открыты приемные покои с фельдшерами и медикаментами, а затем стали открываться особые амбулатории с постоянным врачом, сначала для мужской части населения, а затем и для женской с врачами-женщинами. Женские амбулатории имели особые знания для туземцев, так как туземные женщины не могут открывать свои лица и обнажать свою грудь и живот (аурат) перед посторонним мужчиной, а тем более перед неверным. Врачи-женщины оказывали и оказывают, таким образом, незаменимую услугу женщинам-туземкам, среди которых было много страдающих женским болезнями. Для распространения среди грамотных туземцев элементарных сведений об эпидемиях и эпизоотиях⁵ печатались при посредстве туземной газеты популярные брошюры: об оспе, холере, чуме, ящуре и т. д., а также и о вредных для здоровья привычках – наркотиках, распространенных среди туземцев» [4, л. 25].

Н. П. Остроумов отмечает важность наблюдения туземцами бытовой жизни русских и повседневное общение православных и мусульман: «Наконец, перед взорами туземцев протекала непринужденная жизнь русских, жизнь с иным укладом семейным и общественным, повседневным и праздничным. В торжественных случаях представители туземного населения приглашались к непосредственному общению с русскими (войсковые

⁵Эпизоотия – широкое распространение заразной болезни животных среди одного или многих их видов.

парады, благотворительные гулянья, вечера, спектакли и концерты, завтраки и обеды у ген. губернатора). В последние годы представления в цирке и картины в кинематографах были любимыми местами посещений туземцев, так как эти представления и картины были понятны и для не знающих русский язык. Даже во время ночей месяца Рамазана. Это месяц поста, в продолжение которого мусульмане постятся днем и веселятся ночью. Картины кинематографа служили развлечением для туземцев в самом центре их населения.

Домашние нравы и обычаи отдельных русских лиц также раскрывались с откровенностью на глазах у туземцев, имевших личное знакомство и деловые отношения с русскими. Русская речь за последние десятилетия распространялась среди торгового класса, чему, конечно, способствовали в значительной степени и русско-туземные школы, несмотря на недостаток их внутренней организации, а также вечерние курсы русского языка для взрослых туземцев» [4, л. 27].

«Таким образом, к концу истекшего 50-летия русского управления в Туркестане, этот своеобразный азиатский край в городах и торговых центрах принял вид культурных оазисов с европейскими учреждениями и возможным внешним благоустройством... во многих городах и селениях началось ночное уличное освещение; расширены базары и благоустроены торговые помещения; появились большие здания для банков, торговых контор и магазинов; выстроены заводы и караван-сарай. Появились также новые мадрасы⁶ и мечети. Туземцы пользуются теперь телеграфом, некоторые ездят в европейских экипажах, на велосипедах и даже в автомобилях и имеют европейскую комнатную обстановку, щеголяют чалмами, платьем и обувью и увеселяются граммофонами, напевающими туземные песни. Конечно, все это относится к зажиточным туземцам; но до прихода русских и богатые туземцы ничего такого не видели, не знали» [4, л. 29].

Высказанные рассуждения подтверждаются заявлением анонимного местного мусульманского публициста: «Русская власть способствовала установлению нового порядка, обеспечивающего не только возможность мирной работы, но предоставившего туземному населению в своей общественной жизни руководствоваться правилами адата и шариата, унаследованными от отцов и предков. И благодаря этому, преодолев туркестанское

⁶Ма́драса (араб.) или медресе́ – мусульманское религиозно-просветительское и учебное заведение второй ступени.

бесправие при ханском режиме, мусульмане стали понемногу превращаться в сознательных граждан России, полноправных членов семьи культурных европейских народов» [2, с. 1].

Существенным препятствием в христианско-исламском диалоге Николай Петрович считал неподготовленность для работы в среде мусульман русской администрации: незнание ею местных языков, догматов ислама, обычаев и традиций народа.

Говоря о христианско-исламском диалоге на уровне культуры повседневности, нельзя не упомянуть об огромной и разносторонней научно-краеведческой деятельности Н. П. Остроумова. Широко известна его работа по основам вероучения мусульманской религии – «Исламоведение», изданная в нескольких томах. Среди этнографических исследований Н. П. Остроумова известна его работа о культуре узбекского населения Средней Азии – «Сарты. Этнографические материалы. Вып. I–III» [3]. Эту работу можно считать не просто ценным источником о русско-среднеазиатских культурных параллелях, но и (исходя из рекомендаций для русских читателей) практическим пособием для знакомства с повседневной культурой среднеазиатских народов, исповедующих ислам. В предисловии ко второму её изданию Н. П. Остроумов приводит отзывы читателей, открывших для себя «весьма обильный и точный материал» и отметивших, что «...сказки сартов имеют сходство с русскими и дают материал для представления народного быта сартов», причем не только на уровне описания традиционной одежды, пищи, домашней обстановки, но и нравов и обычаев населения: отношений между полами, отношений к родителям и детям, традиций сватовства, свадьбы, ритуала похорон и т. п) [3, с. III]. При этом читатели отмечали также схожие толкования цифр 3, 7, 9, 40 в русских и сартовских народных сказках.

На примере Н. П. Остроумова мы видим новый тип миссионера: не в классическом понимании этого слова, привитого нам отечественной литературой за семьдесят лет советской власти – «крестом, огнём и мечом» обращающего в истинную веру, но с любовью и терпением десятилетиями несущего свет христианского вероучения и русской культуры народам Азии. Николай Остроумов действительно был миссионером в высшем смысле этого слова – он выполнял трудную и благородную миссию взаимодействия культур.

Оценивая его вклад в изучение христианско-исламского диалога на уровне культуры повседневности, необходимо отметить, что подавляющее число описанных им проблем сохранялось и в советский период. Карди-

нальным отличием общего состояния христианско-исламского диалога советского периода от периода, анализируемого Н. П. Остроумовым, являлась жёсткая антирелигиозная политика властей, что в значительной мере нивелировало отношения между гражданами СССР, независимо от традиционного вероисповедания «русскоязычного» и коренного населения региона. Вместе с тем, по нашему мнению, этот фактор объективно способствовал сближению народов, традиционно исповедовавших христианство и ислам. Большую роль в этом процессе сыграло смешанное проживание в населённых пунктах; совместное обучение детей в школах и вузах; работа в общих трудовых коллективах; смешанные браки; работа органов культуры и СМИ.

В постсоветский период оценка деятельности Н. П. Остроумова изменилась прежде всего у российских учёных, и в настоящее время рассматривается как положительная в истории российско-среднеазиатских отношений. В постсоветской среднеазиатской историографии деятельность Н. П. Остроумова была подвергнута критике, что связано с современным историческим мифотворчеством в становлении этнократических государств.

При этом в традиционной культуре на уровне семейных традиций у населения сохранялось сознание принадлежности к определённой конфессии, хотя часто оно и рассматривалось как «преданье старины глубокой», пережиток закоснелых стариков. В большей степени это было характерно для сельского мусульманского населения, сохранявшего обряды мужской инициации (обрезание); соблюдение постов; свадебных и похоронных обрядов – всё то, что передавалось посредством традиционной общины.

При этом представители обеих конфессий не просто терпимо, а благосклонно относились друг к другу, поздравляя, а часто и совместно отмечая религиозные праздники. Так, в Таджикистане было традиционным дарение соседям-мусульманам яиц в праздник Пасхи, жертвенного мяса в праздник Иди Курбон⁷ – соседям-христианам; совместное участие в похоронах и поминальной трапезе. В период гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.) известны многочисленные примеры захоронения умерших русских по мусульманскому обряду, на что родственники согла-

⁷Иди Курбон (перс.) или 'Ид аль-адха (араб.), Курбан-байрам – исламский праздник, отмечаемый через 70 дней после праздника Ураза-байрам.

шались из-за отсутствия средств на традиционное православное захоронение [1].

В настоящее время христианско-исламский диалог на уровне повседневного общения на территории государств Средней Азии приобретает более «конфессиональный» характер из-за реальной свободы вероисповедания для всего населения региона. Бытовые отношения православных и мусульман страны в период 1990–1997 гг. характеризовались взаимной терпимостью, характерной прежде всего для сельского населения. В то же время в крупных населённых пунктах и городах, из-за большей подверженности населения исламистской и националистической пропаганде, отношения были более напряжёнными, переходящими на конфликты в виде оскорблений и хулиганства, прежде всего в отношении детей и женщин [8, с. 302]. В значительной степени христианско-исламский диалог в регионе осложнялся активной деятельностью радикальных и экстремистских исламских организаций, культивирующих нетерпимость к иноверцам.

В целом, христианско-исламский диалог на уровне повседневного общения остаётся актуальной темой для научных исследований, и вклад Н. П. Остроумова в изучение названного процесса можно рассматривать в качестве фундаментальной основы для них.

Источники

1. Интервью В. В. Дубовицкого с председателем первичной организации Совета российских соотечественников в Таджикистане (СРСТ) С. Поповым 03.05.2007 г. // Частный архив В. В. Дубовицкого.
2. К мусульманскому съезду // Туркестанский Вестник. Ташкент, 1917. № 2. С. 1.
3. Остроумов Н. П. Сарты : этнографические материалы. Вып. 3: Пословицы и загадки сартов. Ташкент : Типо-лит. торг. дома «Ф. и Г. бр. Каменские», 1895. 174 с.
4. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз) Ф. 1009. П. 1. Д. 34.
5. ЦГА РУз. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 125.

Литература

6. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Москва, 1977. Т. 9.

7. Густерин П. Русскоязычная коранистика досоветского периода // Россия в красках : сайт. URL : http://ricolor.org/history/eng/vs/16_06_2014/ (дата обращения: 02.03.2023).

8. Дубовицкий В. В. Диалог с инославными и иноверными вероисповеданиями в условиях гражданской войны в Таджикистане // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 302.

9. Остроумов Николай Петрович // Изучение религии в России в XVIII – первой половине XX в. : сайт. URL : <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/ostroumov-nikolaj-petrovic> (дата обращения: 02.03.2023).

10. Салахов М. Востоковедение в Казанской духовной Академии во второй половине XIX – нач. XX вв. Миссионерский аспект // Минбар, 2007. № 2(4). С. 144–156.

11. Умаров Э. А. Н. П. Остроумов и среднеазиатская интеллигенция // Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова. Ташкент, 2011. С. 53–57.

12. Флыгин Ю. С. Академик В. Бартольд: человек, ученый, друг – в зеркале переписки с Н. Остроумовым // Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова. Ташкент, 2011. С. 8–52.

13. Флыгин Ю. С. К вопросу об оценке деятельности и научного наследия Н. П. Остроумова // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи : мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 170-летию со дня рождения Н. П. Остроумова. Ташкент, 2017. С. 3–9.

V. V. Dubovitsky

CHRISTIAN AND ISLAMIC DIALOGUE IN THE WORKS OF N. P. OSTROUMOV

Abstract: The article analyzes the experience of Christian and Islamic dialogue in the daily life of Christians and Muslims in Central Asia during the late 19th – early 20th centuries in the works of the Russian orientalist and missionary N. P. Ostroumov. The purpose of the article is to summarize the experience of living and working together between Orthodox and Muslims, both in a socially stable environment and during large-scale social conflicts. Based on the archival materials of N. P. Ostroumov's personal fund and his works in the

field of Islamic studies, the author recreates pictures of the daily life of Orthodox and Muslims of the period under review, related to the provision of medical care, the creation of an education system, the performance of religious festive rituals, the study of Sart folklore. In addition, the author of the article, using inaccessible materials obtained during his activities in Tajikistan as part of the leadership of the structures of the Russian diaspora, draws conclusions about the use of historical experience in modern conditions of relations between Orthodox and Muslims in Russia.

Key words: N. P. Ostroumov, Christian and Islamic dialogue, daily communication, joint life and activities of Orthodox and Muslims.

Sources

1. Interv'ju V. V. Dubovickogo s predsedatelem pervichnoj organizacii Soveta rossijskih sootchestvennikov v Tadžikistane (SRST) S. Popovym 03.05.2007 g. [Interview of V. V. Dubovitsky with S. Popov, the chairman of the primary organization of the Council of Russian Compatriots in Tajikistan 03.05.2007]. In *Chastnyj arhiv V. V. Dubovickogo* [Private Archive of V. V. Dubovitsky]. In Russian.

2. K musul'manskomu s#ezdu [For the Muslim Congress]. In *Turkestanskij Vestnik* [Turkestan Bulletin]. Tashkent, 1917. No. 2, P. 1. In Russian.

3. Ostroumov N. P. Sarty : jetnograficheskie materialy. Vyp. 3: Poslovi-cy i zagadki sartov [Sarty: ethnographic materials. Issue 3: Proverbs and riddles of the Sarts]. Tashkent, 1895. 174 p. In Russian.

4. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan (CGA RUz) F. 1009. P. 1. D. 34. [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Foundation 1009. File 1. Document 34]. In Russian.

5. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan. F. 1009. Op. 1. D. 125 [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. Foundation 1009. List 1. Document 125]. In Russian.

Literature

6. Bartold V. V. Istorija izuchenija Vostoka v Evrope i Rossii [The history of the study of the East in Europe and Russia]. In *Bartol'd V. V. Sochinenija* [Bartold V. V. Essays]. Moscow, 1977. Vol. 9. In Russian.

7. Gusterin P. Russkojazychnaja koranistika dosovetskogo perioda [Russian-language Koranistics of the pre-Soviet period]: website. URL: http://ricolor.org/history/eng/vs/16_06_2014 (accessed: 02.03.2023). In Russian.

8. Dubovitsky V. V. Dialog s inoslavnymi i inovernymi veroispovedanijami v uslovijah grazhdanskoj vojny v Tadžikistane [Dialogue with non-Orthodox and non-Orthodox faiths in the conditions of the civil war in Tajikistan]. In *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary]. 2023. Issue 2 (27), P. 302. In Russian.

9. Ostroumov Nikolaj Petrovich [Ostroumov Nikolaj Petrovich]: website. URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/ostroumov-nikolaj-petrovic> (accessed: 02.03.2023). In Russian.

10. Salakhov M. Vostokovedenie v Kazanskoj duhovnoj Akademii vo vtoroj polovine XIX – nach. XX vv. Missionerskij aspekt [Oriental studies at the Kazan Theological Academy in the second half of the XIX – beginning. XX centuries. The missionary aspect]. In *Minbar* [Minbar], 2007. No. 2(4), pp. 144–156. In Russian.

11. Umarov E. A. N. P. Ostroumov i sredneaziatskaja intelligencija [N. P. Ostroumov and the Central Asian intelligentsia]. In *Vostokovedcheskie chtenija pamjati N. P. Ostroumova* [Oriental readings in memory of N. P. Ostroumov]. Tashkent, 2011, pp. 53–57. In Russian.

12. Flygin Y. S. Akademik V. Bartol'd: chelovek, uchenyj, drug – v zerkale perepiski s N. Ostroumovym [Academician V. Bartold: a man, a scientist, a friend – in the mirror of correspondence with N. Witty]. In *Vostokovedcheskie chtenija pamjati N. P. Ostroumova* [Oriental readings in memory of N. P. Ostroumov]. Tashkent, 2011, pp. 8–52. In Russian.

13. Flygin Y. S. K voprosu ob ocenke dejatel'nosti i nauchnogo nasledija N. P. Ostroumova [On the issue of evaluating the activities and scientific heritage of N.P. Ostroumov]. In *Lichnost' i vremja. Nikolaj Ostroumov: vostokoved, prosvetitel', letopisec jepohi: mat-ly mezhdunar. nauch. konf., posvjashhennoj 170-letiju so dnja rozhdenija N. P. Ostroumova* [Personality and time. Nikolai Ostroumov: Orientalist, educator, chronicler of the epoch: the materials of the international scientific conference dedicated to the 170th anniversary of the birth of N. P. Ostroumov]. Tashkent, 2017, pp. 3–9. In Russian.